
Irena Merano
Я украла сердце у Тьмы
Сердце Тьмы. Книга 1

Irena Merano
Я украла сердце у Тьмы

https://litres.ru/74723308
SelfPub; 2026

Аннотация

Мёртвые не возвращаются. Нарушенные обещания не оживают. А у Тьмы нельзя ничего украсть безнаказанно.

Я нарушила все три правила.

Теперь моя умершая мать стоит на пороге, сестра скрывает страшную тайну, а в украденном Сердце слышится голос мужчины, которого я никогда не встречала.

Он знает моё имя. Знает, что я совершила. И почему-то боится того, что я могу вспомнить.

Но самое опасное начинается, когда между нами возникает чувство, которому не должно быть места в этом мире.

Ведь я украла у Тьмы сердце, Но кто сказал, что оно принадлежало ей?

Irena Irena Merano
Я украла сердце у Тьмы

Глава 1

Irena Merano

Глава 1. Мать, которую похоронили

Моя мать умерла шестнадцать лет назад.

В тот день я узнала, что мокрая земля пахнет железом, а взрослые умеют плакать так, чтобы никто не заметил. Я стояла у края могилы, держала четырёхлетнюю Саэлу за руку и смотрела, как дождь заполняет следы от сапог на глине. Младшая сестра всё спрашивала, когда мы сможем забрать маму домой. Я отвечала: «Скоро». Другого слова у меня тогда не нашлось.

Наверное, поэтому, когда мать постучала в нашу дверь в первое холодное утро ноября, я не закричала.

Я уронила чашку.

Горячий настой разлился по полу, обжёг ступню, но я почти не почувствовала боли. За порогом стояла женщина в тёмно-синем платье. От сырости ткань потемнела на подоле. На её волосах серебрились капли тумана, в одной руке она держала корзину яблок, а другой придерживала выбившуюся из косы прядь — привычным движением, от которого у меня на секунду остановилось дыхание.

— Ливена? — сказала она. — Ну что ты, милая. Впусти меня, я совсем замёрзла.

Голос я не слышала шестнадцать лет. И всё-таки узнала безошибочно.

Память умеет издеваться. Она стирает черты лица, пута-

ет дни, превращает любимый смех в слабое эхо. Я давно не могла вспомнить, как именно мама звала нас к ужину. Но стоило женщине произнести моё имя, и я снова увидела узкую кухню нашего старого дома, медный таз для яблок и маленькую Саэлу, уснувшую у матери на коленях.

Мне было двадцать шесть. Я пережила две голодные зимы, пожар в мастерской, болезни сестры и похороны отца, о которых старалась не думать. Я привыкла считать себя человеком, способным выдержать почти всё.

Но этого оказалось достаточно, чтобы я вцепилась в дверной косяк.

— Кто вы?

Женщина моргнула. Её улыбка дрогнула.

— Ливена, детка…

— Не называйте меня так.

Она опустила корзину на порог. Я заметила знакомую родинку возле губ, тонкий шрам на подбородке, оставшийся после падения с лошади, и серебряное кольцо с треснувшим зелёным камнем. Это кольцо я сама положила в гроб перед тем, как его закрыли.

— Ты меня не узнаёшь? — спросила она.

Я смотрела на её руку.

Пальцы были живыми: краснели от холода, слегка дрожали, ногти были коротко острижены. Могильная земля не прилипла к ним. От женщины пахло мокрой шерстью, яблоками и горьким полынным мылом, которое мама варила

каждую весну. На её правом запястье белел узкий след от давней повязки. Я почему-то не могла отвести от него глаз.

— Мою мать похоронили, — выговорила я. — Я стояла рядом.

Женщина посмотрела на меня так, будто слова причинили ей физическую боль.

— Я знаю, что заставила вас ждать, — прошептала она. — Но ведь обещала вернуться.

У меня за спиной что-то скрипнуло.

На лестнице стояла Саэла. Босая, в домашней рубашке, с растрёпанными рыжими волосами. Она обеими руками прижимала к груди музыкальную шкатулку, над которой работала последние месяцы. Её лицо оставалось бледным после вчерашнего приступа. Ночью сестра не могла вымолвить ни звука. Сейчас, увидев нашу гостью, она произнесла совершенно отчётливо:

— Не впускай её.

Я обернулась так резко, что кольнуло в шее.

— Ты говоришь.

Саэла словно и сама этого не заметила.

— Закрой дверь, Ливена. Пока она ещё снаружи.

Женщина подняла глаза. В них мелькнуло облегчение.

— Саэла. Моя маленькая.

Сестра отступила на ступеньку.

— Вам нельзя было приходить сюда.

Мне не понравилось это «вам». Ни обращение, ни инто-

нация. Особенно интонация: испуганная, но не удивлённая.

— Вы знакомы? — спросила я.

Саэла не ответила. Мать наклонилась за корзиной, словно собиралась войти, и сестра вскрикнула:

— Не переступайте порог!

Женщина застыла. Потом медленно выпрямилась.

— Я так долго искала дорогу, — сказала она почти жалобно. — Неужели даже яблоки не разрешите оставить?

Наш дом никогда не отличался богатством. Дверь перекосилась ещё прошлой зимой, у очага не хватало плитки, в шкафу всегда лежало больше счетов, чем белья. Но мама улыбалась ему так, словно вернулась во дворец детства. Я невольно представила, как она подойдёт к столу, поправит скатерть, пожурит меня за разлитый настой.

От этой мысли стало стыдно и страшно. Часть меня уже хотела отступить и впустить её.

— Что вам нужно? — спросила я.

Женщина перевела взгляд на Саэлу.

— То, за чем я пришла, обещали мне давно.

Шкатулка в руках сестры тихо щёлкнула. Её крышка сама приоткрылась, и изнутри донеслись три фальшивые ноты.

— Я ещё не готова, — сказала Саэла.

Мама улыбнулась ей с грустным терпением.

— Ты дала слово.

— Я знаю.

— Тогда почему заставляешь меня ждать?

Я медленно повернулась к сестре.

— Какое слово?

Саэла прижала шкатулку к груди ещё крепче. На её пальцах проступили белые пятна.

— Ливена, пожалуйста. Сейчас не время.

Снаружи зазвонили колокола башни мер и весов: восемь ударов, привычных и неровных. На шестом ударе женщина сделала шаг к порогу.

И всё вокруг нас затихло.

Не во всём городе. За её спиной торговец продолжал толкать тележку по мостовой, а у соседнего дома собака трепала старый башмак. Но в прихожей стрелки часов замерли, капля настоя повисла на краю стола, и полоска дыма над кухонной свечой перестала извиваться.

Седьмого удара мы не услышали.

Я посмотрела на порог. Носок женского башмака стоял точно на линии выщербленного камня.

— Назад, — сказала я.

Она не двинулась.

— Девочка моя…

— Назад.

Я выхватила нож из-под пояса. Не боевой — узкий, с вытертой костяной рукоятью. Им я открывала упрямые замки и обрезала проволоку в мастерской. Мама когда-то запрещала мне носить его в доме.

Женщина посмотрела на лезвие. В её глазах выступили

слёзы.

— Ты собралась ранить меня?

Я хотела сказать «да». Но вместо этого спросила:

— Если вы и правда моя мать, почему Саэла вас боится?

— Она боится не меня.

— Тогда чего?

Женщина коснулась груди, чуть ниже ключиц, и нахмурилась. Как будто пыталась отыскать ответ там, где должны находиться слова.

— Того, что нам придётся сделать, — произнесла она наконец.

Нам.

Саэла всхлипнула.

Я отступила в сторону, заслоняя лестницу, и женщина тут же посмотрела на пространство за моим плечом. В её взгляде не было хищного нетерпения, только мучительное стремление куда-то попасть. От этого она казалась ещё опаснее: воры знают, что воруют, а безумцы уверены в собственной правоте.

— Вы помните, как я упала с крыши сарая? — спросила я.

— Конечно. Ты привязала к рукам два зонта и решила, что сможешь летать. Я так испугалась…

— Что вы сделали потом?

— Обняла тебя. Успокоила.

Я покачала головой.

— Вы рассердились. Я сломала ногу, раздавила два зонта,

а вы обозвали меня упрямой ослицей и велели больше не приближаться к крыше. А через час принесли мёд на хлебе и сели рядом, пока я плакала.

На лице женщины отразилась растерянность.

— Мне жаль, — сказала она. — Я не хотела тебя обидеть.

И вот это было хуже всего. Она помнила крышу, зонты, перелом — знала то, чего не знал никто в городе. Но у неё не было воспоминания о мамином гневе, о страхе, который рождался из любви. Она знала все события, но говорила о них так, словно за ними не стояло ни одного настоящего чувства. И только теперь я поняла, что тревожило меня с самого начала: тугую повязку после пореза я когда-то наложила матери на левую руку, не на правую.

— У вас кольцо моей матери, — сказала я. — Её лицо. Её голос. Но кто вы?

Она смотрела на меня долго, тревожно, словно ждала, что я сама подскажу ответ.

— Я вернулась, — произнесла она. — Я же обещала.

Мир у неё сузился до этих слов. В них слышалась не угроза, а беспомощность существа, способного двигаться только по одной дороге.

В зеркале возле вешалки треснуло стекло.

Звук прозвучал резко, почти как выстрел. Я вздрогнула и заметила странность: в серебряной поверхности отражались дверь, лестница, нож в моей руке, даже выпавшая из корзины веточка розмарина. А там, где стояла женщина, оставалось

пустое пространство.

Она тоже увидела.

Поднесла пальцы к зеркалу. На стекле отпечатались пять влажных следов — от прикосновения настоящей руки. Но самой руки в отражении не было.

— Почему? — спросила она.

Плечи её опустились. Я впервые услышала в голосе настоящую растерянность.

— Почему меня не видно?

Ответить я не могла.

Саэла спустилась на последнюю ступеньку.

— Вы должны уйти, — сказала она. — Я найду другой способ.

Женщина повернулась к ней.

— Ты уже искала. Три месяца. Но время кончилось.

Меня будто ударили.

— Три месяца?

Саэла замерла.

— О чём она говорит?

Сестра опустила глаза. Я вспомнила вечера, когда заставала её за письмами, которые она поспешно убирала, стоило войти. Вспомнила замок на ящике мастерской, хотя мы никогда раньше ничего не прятали друг от друга. Вспомнила вчерашнее молчание: она открывала рот, а звука не было, будто кто-то вычерпал из неё все слова.

— Ты знала, — сказала я.

— Не всё.

— Что ты сделала?

— Пыталась исправить то, чего мы обе не понимали.

Женщина у порога покачала головой.

— Объясни ей, Саэла. Иначе она не отпустит тебя.

— Я никуда не собираюсь! — выкрикнула сестра.

На мгновение тишина в доме ослабла: маятник часов дёрнулся, затрепетало пламя в стеклянном подсвечнике. Потом всё снова застыло.

Мать посмотрела на нас с усталостью, несоразмерной её молодому лицу.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь страдал.

— А чего хотите? — спросила я.

Она задумалась.

По-настоящему. Так, словно вопрос впервые позволил ей посмотреть дальше узкой тропы, по которой она шла.

— Не знаю.

Признание повисло между нами.

Я ещё крепче сжала нож. Если передо мной стояло чудовище, оно не умело быть чудовищем правильно.

Саэла сделала осторожный шаг ближе.

— Вы можете уйти и вернуться, когда мы поговорим?

— Я попробую, — ответила женщина.

И вдруг за её спиной по стене поползла тень.

Она поднималась против света, собираясь в узкую вертикальную полосу. На мостовой по-прежнему было утро, про-

хожие обходили тележку с дровами, но тень не принадлежала ни дому, ни дереву, ни человеку. Она двигалась так, словно искала щель.

Женщина резко обернулась.

— Он заметил.

Мешочек под моим платьем стал тяжёлым.

Я надела его на шею перед рассветом и с тех пор старалась не прикасаться. Внутри лежала вещь, которую я вынесла ночью из Северного бастиона. Вчера мне казалось, что это всего лишь холодный тёмный камень величиной с куриное яйцо. Сегодня он медленно нагревался, как уголь под золой.

Сердце Тьмы.

Слова из неподписанного письма я помнила наизусть. Я проникла в крепость, потому что неизвестный обещал мне вернуть Саэле голос. И всё ещё не знала, спасла сестру или привела к нашей двери беду.

Камень ударился о рёбра изнутри мешочка.

Один раз.

Потом второй.

Я прижала ладонь к груди, пытаясь унять боль. Предмет под тканью отозвался новым толчком — таким сильным, что ноги подогнулись.

— Ливена? — позвала Саэла.

Я услышала мужской голос.

Не из-за двери. Не с улицы. Он прозвучал внутри моей головы, у самого основания черепа: спокойный, низкий, с едва

заметной усталостью.

«Ты сняла печать, не узнав, что она удерживала».

Я прислонилась к стене. Нож выпал из пальцев.

— Кто здесь?

«Ответь мне, воровка: кто дал тебе карту?»

По телу прошёл холод. Никто не знал о карте. Я сожгла её перед тем, как выйти из крепости. Даже Саэла не видела конверта.

— Убирайся из моей головы.

«С радостью. Верни Сердце».

В голосе не было ни крика, ни ярости. И от этого он звучал страшнее угроз.

Женщина смотрела на мешочек поверх моей ладони. Она как будто слышала другое — отзвук, недоступный Саэле.

— Значит, ты правда взяла его, — выдохнула она. — Тогда я могу остаться.

— Нет! — Саэла бросилась ко мне, но женщина подняла руку.

Останавливала она сестру или пыталась защитить её — я не поняла. Полоса тени на стене раскрылась, словно чёрная складка ткани. Воздух наполнился запахом холодного камня и мокрого пепла.

Голос произнёс:

«Не подпускай её к своей сестре».

Я заставила себя выпрямиться.

— Почему я должна тебе верить?

Ответ пришёл не сразу.

«Не должна».

Тень застыла.

«Но если это создание получит обещанное до захода солнца, одна из вас исчезнет. Я пока не знаю, какая».

Слово *создание* ударило сильнее, чем сама угроза. Женщина вздрогнула, словно услышала его вслух, и на её лице проступил ужас — не за нас, за себя.

— Я не хочу никого уничтожать, — прошептала она.

В этих словах впервые появилось что-то новое: желание, не похожее на просьбу исполнить обещание.

Саэла заплакала.

Я сняла с вешалки старую отцовскую куртку и накинула на плечи сестре. Мне нужно было занять руки чем-то привычным, иначе я начала бы дрожать.

— Слушай внимательно, — сказала я женщине. — Я не знаю, кто вы и почему пришли. Но сейчас вы уходите. Я сама найду ответ. И если вы хоть пальцем тронете Саэлу…

— Ты снова обещаешь, — перебила она.

Я осеклась.

Мать всегда говорила, что словами нельзя разбрасываться. При ней мы не произносили «клянусь» даже в детских играх. Мне казалось, это её странное суеверие. Теперь я не знала, чего именно она боялась.

— Я говорю, что вы должны уйти, — закончила я.

Женщина посмотрела на меня с такой тоской, что я едва

не отвела взгляд.

— А если я уйду, куда мне идти?

Никогда раньше я не задавалась вопросом, куда деваются существа, которым не место в нашем мире. Наверное, я считала, что им просто не полагается задавать подобных вопросов.

— Не знаю, — ответила я. — Но здесь вы оставаться не можете.

Она наклонилась, взяла корзину и поставила её внутрь, на пол прихожей. Сама за порог не переступила.

— Тогда оставлю яблоки. Вы всегда любили сладкие.

Она отступила на мостовую.

И всё пришло в движение.

Маятник часов качнулся, дым свечи рассыпался неровной струйкой, из кухни донёсся последний удар колокола, словно потерянный звук наконец догнал остальные. Я увидела, что в щели дверной коробки застряла тонкая чёрная нить.

Мама — или та, кто носила её лицо, — ещё раз посмотрела на нас.

— Я вернусь, когда узнаю, кто я, — сказала она.

Потом повернулась и растворилась в утреннем тумане. Никто на улице не оглянулся.

Саэла закрыла дверь на засов.

Я подняла с пола нож. Руки уже перестали дрожать, и от этого было только хуже: паника уступала место холодной решимости, которая порой заставляла меня делать глупости.

— Сядь, — сказала я сестре.

— Ливена…

— Сядь.

Она опустилась на лавку. Шкатулка всё ещё лежала у неё на коленях.

Я присела возле корзины. Яблоки были разрезаны пополам и сложены так ровно, что с первого взгляда это было незаметно. В сердцевинах вместо семечек чернели крошечные узлы из тонких нитей. По семь в каждом плоде.

Я насчитала шесть яблок.

Сорок два узла.

— Ты знаешь, что это? — спросила я.

Саэла посмотрела на корзину и прикрыла рот ладонью.

— Счёт, — сказала она.

— Чего?

— Не знаю точно. Она показывала мне такие… до того, как потеряла дорогу.

— *До того, как потеряла дорогу?*

Сестра молчала.

Я медленно поднялась.

— Ты встречалась с ней раньше.

— Не с ней. Не такой.

— Саэла, сегодня утром мёртвая женщина назвала нас дочерьми. У тебя был готов ответ, ты знала, что нельзя открывать дверь, и теперь узнаёшь вещи, о которых я даже не слышала. Хватит говорить половину правды.

— Я пыталась всё остановить.

— Что именно?

Сестра стиснула края шкатулки.

— Мне нужно было узнать, что случилось с мамой. Я думала, если пойму, смогу помочь тебе.

Я недоверчиво покачала головой.

— Тебе? — переспросила я. — Я не просила возвращать её.

— Речь не только о ней.

Саэла подняла глаза. Впервые за утро страх отступил, оставив усталость двадцатилетней женщины, которая слишком долго принимала решения одна.

— Ты всю жизнь заботилась обо мне, Ливена. Я это знаю. Я знаю каждую проданную тобой вещь, каждую ночь, когда ты не ложилась спать, потому что мне нужен был лекарь. Но ты никогда не спросила, хочу ли я, чтобы ради меня исчезла вся твоя жизнь.

Её слова задели больнее, чем я ожидала.

— Я не исчезла.

— Пока.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как Саэла судорожно сглотнула.

— Что значит «пока»?

Саэла раскрыла шкатулку. Внутри вместо привычного механизма лежал сложенный вчетверо лист бумаги. На нём темнела та же печать: круг с семью пересекающими его ли-

ниями. По краю шли следы старого огня.

— Я нашла это в мамином сундуке три месяца назад. В подкладке, которую она сама зашила. Я не показала тебе, потому что сначала хотела понять, кто оставил вторую надпись.

Я протянула руку.

— Дай.

Сестра помедлила.

— Только не читай вслух.

Я взяла лист. Бумага была ломкой, как осенний лист, и пахла дымом.

Первая часть письма была написана знакомыми округлыми буквами. Я столько раз разглядывала мамины старые рецепты, что узнала почерк прежде, чем разобрала слова.

«Если однажды я вернусь, не открывайте мне дверь.

Если назову вас дочерьми, не спешите верить.

Если стану плакать, помните: слёзы не делают меня прежней.

Не напоминайте мне, что я обещала Ливене. Не позволяйте мне произнести эти слова снова».

Я перечитала последнюю строку. Потом ещё раз.

Внизу, другим почерком, темнее и увереннее, было добавлено:

«Когда обещание исполнится, одна из сестёр перестанет существовать. Не пытайтесь выбрать, какая. Выбор уже сделан».

От этих слов всё внутри стало тяжёлым.

— Что мама мне обещала? — спросила я.

Саэла долго смотрела на мои руки.

— Ты помнишь последнюю ночь?

Конечно, помнила. Потрескавшийся кувшин с водой, маленькую лампу возле кровати, мамин кашель. Я так ярко помнила комнату, что иногда ненавидела собственную память.

— Она сказала, что скоро вернётся, — ответила я.

Саэла кивнула.

— А ты?

Я закрыла глаза.

На мгновение мне снова стало десять. Мама лежала под серым одеялом, по лицу её скользил свет лампы. Я держала Саэлу на руках — она уснула после долгого плача. Мне казалось, если я не отпущу её, с мамой ничего не случится.

Мама попросила заботиться о младшей сестре.

И я ответила…

Я открыла глаза.

— Я сказала, что буду рядом с Саэлой, пока мама не вернётся.

— Да, — прошептала сестра.

— Это слова ребёнка. Они не могут…

Саэла не позволила договорить.

— А если могут?

Под платьем снова ударило Сердце. На этот раз слабее, но я ясно ощутила чужой ритм: два быстрых толчка и третий,

запоздалый. Такой же сбой три недели назад появился в мелодии Саэлиной музыкальной шкатулки.

Я увидела, как Саэла смотрит на мою грудь.

— Ты знаешь, что у меня? — спросила я.

— Нет. Но с рассвета мне снова доступны слова. Все. Даже те, которые я вчера не могла вспомнить.

— Я достала кое-что, чтобы тебе помочь.

— Ливена, что ты сделала?

Я не ответила. Если признаться, придётся рассказать о бастионе, о стороже, которого я оставила связанным в часовне, и о комнате, где чёрный предмет на постаменте бился в такт чужому сердцу. Придётся признать, что я решилась на кражу не потому, что всё понимала, а потому, что больше не могла смотреть, как сестра исчезает по одному слову.

Саэла взяла меня за запястье.

— Не надо больше спасать меня в одиночку.

Я едва не сказала «обещаю».

Это слово уже собиралось на языке, привычное и утешительное. Я проглотила его, вспомнив треснувшее зеркало и сорок два узла в яблоках.

За окном прошёл обычный прохожий, стуча каблуками по камню. Где-то по соседству ребёнок рассмеялся. Мир не заметил, что за последние полчаса в нашем доме побывала мёртвая женщина и прозвучал голос неизвестного мужчины.

И тогда голос вернулся.

«Не отдавай ей письмо».

Я стиснула лист так сильно, что край порезал палец.

— Ты снова здесь, — прошептала я.

Саэла приподнялась.

— С кем ты говоришь?

«Твоя сестра не знает, что обещала. Но кто-то другой знает. И уже пришёл за платой».

— Назови себя, — потребовала я мысленно.

За ответом последовала пауза. Долгая, наполненная едва слышным потрескиванием, как если бы где-то далеко горели мокрые дрова.

«Моего имени тебе пока недостаточно. Скоро ты сама захочешь его произнести».

Я посмотрела на Саэлу. Та стояла возле стола, сжимая пустую музыкальную шкатулку. Её рука дрожала, но взгляд был прямым и упрямым — точь-в-точь как у мамы, когда та собиралась сказать что-нибудь неприятное.

— Тогда скажи, чего ты хочешь, — подумала я.

Ответ прозвучал тихо, без малейшего торжества:

«Вернуть то, что ты украла. И не дать тебе умереть раньше, чем я пойму, почему Сердце позволило себя взять».

Я подняла голову.

На внутренней стороне входной двери, напротив места, где утром стояла женщина, проступили семь чёрных точек. Одна за другой они соединялись тонкой линией, образуя узел, которого минуту назад не было.

Первый узел затянулся сам собой.

И из пустой музыкальной шкатулки на коленях Саэлы раздался голос нашей матери:

— Осталось шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.